

УДК 94(470.26)“1946/1965”

П. П. Полх

Организации и учреждения, осуществлявшие планирование сельскохозяйственного производства на районном уровне в 1946—1965 гг. (на материалах Калининградской области)

В статье рассматривается роль районных плановых комиссий в системе организации управления сельским хозяйством в послевоенное двадцатилетие на материалах Калининградской области в составе РСФСР. Обосновывается положение, что функции данных комиссий (подробно анализируется деятельность комиссий Озерского, Приморского и Славского районов) не исчерпывались только составлением планов производственной деятельности, но распространялись на вопросы заготовок, организации труда колхозников и быта переселенцев, а также на общие управленческие функции. Вместе с тем планированием занимались не только обозначенные комиссии, но и другие органы. Данные два обстоятельства подтверждают тезис о том, что управленческие функции в советской государственно-хозяйственной системе не были до конца распределены.

Ключевые слова: сельское хозяйство, колхозы и совхозы, социалистическое планирование, Калининградская область, заготовки сельхозпродукции, послевоенный период (1946—1965).

Понятия «планирование» и «плановое хозяйство» настолько тесно переплетаются в общественном сознании с социалистической экономикой и вообще советской системой, что воспринимаются как их сущностные характеристики. Послевоенная эпоха — это время, когда административно-командная система управления хозяйством не только сформировалась в основных своих чертах, но и доказала свою эффективность в годы Великой Отечественной войны. Планирование абсолютно всех отраслей деятельности, в которых возможен «количественный» подсчет результатов труда, стало еще и важной составляющей идеологической работы, а также инструментом для мотивации трудовых усилий как отдельных работников, так и коллективов и целых отраслей. Все это заставляет обратить внимание на «кухню» процесса планирования, в частности на местном уровне не только области, автономной республики, края, но и района. Такой регион, как Калининградская область, представляется вполне пригодным для рассмотрения данной задачи, поскольку советские и партийные органы управления создавались здесь в том законченном виде, который сложился в системе госуправления на региональном уровне к середине XX века. Безусловно, регион имел свои особенности, поскольку был образован на «трофейных» землях бывшей Восточной Пруссии и заселен жителями центральных областей России и Белоруссии. Однако именно то обстоятельство, что население было хорошо знакомо с системой организации хозяйственного управления в СССР, и позволяет считать, что эта система в Калининградской области изначально строилась как близкая к эталонной и эволюционировала вместе со всеми процессами, происходившими в стране.

В статье ставятся задачи рассмотреть планирование на районном уровне в области сельского хозяйства. Такое планирование входило в компетенцию не только специальных органов. В областном управлении сельского хозяйства (ОСХУ) структура, отвечающая за планирование, существовала на протяжении всего советского периода истории, правда меняя название: планово-финансовый отдел (1946—1948, 1955—1956), планово-экономический и финансовый отдел (1949, 1961—1966), плановый отдел (1950—1952), плановое управление (1953), управление сводного планирования (1954), планово-экономический отдел (1957—1958), отдел экономики и организации планирования (1959—1960)

© Полх П. П., 2016

[2, л. 4—154]. Разумеется, специалисты, отвечавшие за планирование, присутствовали и в районных управлениях сельского хозяйства.

Последние сталинские годы отмечены присутствием в системе государственного управления уполномоченных союзных ведомств на областном, краевом и республиканском уровнях. Представителем центра в Калининграде с 1949 по 1953 г. был в том числе уполномоченный Госплана по Калининградской области с небольшим аппаратом. Вместе с тем любая организация, стоящая ступенькой выше в управленческой иерархии над непосредственными производителями в аграрном секторе (трест совхозов, управление, племобъединение, организации по техническому снабжению), предлагая плановые ориентиры собственной деятельности, включала в свою документацию основные показатели производства продуктов земледелия и скотоводства. Это делалось не только потому, что данные показатели определяли объемы переработки, но и для подчеркивания сопричастности большому делу — росту сельскохозяйственного производства.

Плановые задания были широко отражены в партийных документах как ориентиры для выдающихся свершений, которые определялись и вдохновлялись КПСС, а также в документации органов статистики, в отчетах исполкомов всех уровней. Однако самый конкретный материал содержится в документации районных плановых комиссий. Собственно, в их задачи и входило преобразовать данные об имевшихся ресурсах — земле, труде и капитале (технике, орудиях труда и т.п.) — в потенциальные урожаи, удои и другие отчетные показатели. Первоначальные сведения за 1947 г. представляют собой несколько сжатые данные колхозных отчетов. Последние составлялись по утвержденной единой форме по всей стране и пространно сообщали обо всех составляющих колхозной жизни вплоть до балансов работы кузниц и мастерских по ремонту упряжи. Каждая форма занимала более 30 страниц с подробными таблицами. Годовые же отчеты колхозов в плановых комиссиях ограничиваются основными показателями, определявшими участие колхозников в общественном производстве, как того и требовал устав сельскохозяйственной артели. Так, отчеты колхозов Славского района у плановиков занимали лишь 8 листов на хозяйство. Первое, что волновало их составителей, — соответствие количества населения площади земли, предназначенной для обработки. При всех значимых обстоятельствах земли на одного работника выпадало очень много, что подтверждает таблица 1.

Данные как минимум о двух колхозах отсутствовали. Однако даже такая информация показывает, что планировать в этих условиях надо было с большой осторожностью. Демография такова, что очевидны диспропорции в возрастном и половом составе населения. Сопоставление с количеством не включенных в состав трудящихся колхозников заставляет задуматься, сколько детей и стариков прибыло в сельскую местность. Ситуация, когда в одном поселке образовывалось по два колхоза, связана с включением туда многочисленных хуторов. Пос. Ясное и вовсе в немецкие времена был городом с двух-, трехэтажными домами, пережившими затопление в 1946 г. в связи с прорывом дамбы. Так что тамошние колхозники жили в еще более не приспособленных условиях, к которым следует добавить разразившуюся в районе малярию — многочисленные вымочки из-за слома мелиоративной системы тому способствовали [20, с. 158].

Как видно, почти везде в районе на работника приходилось более 10 га угодий, ситуация в колхозе «Искра» и вовсе была аховая — почти 20 га на каждого взрослого работника или более 16 га с учетом подростков. Если пересчитать гектары только на мужчин, которые везде оказались в явном меньшинстве, картина будет еще более неприглядной. Однако плановые органы статистика интересовала лишь в той мере, в какой можно было изыскать источники для дальнейшего развития. Главным источником становилось прибывавшее население, которое надо было где-то разместить и которое стремилось найти

для себя альтернативу жизни в колхозе, благо наличие паспортов давало тому возможности. Таким образом, работа Славской районной плановой комиссии представляла собой скорее констатацию печальных фактов, заранее оправдывавших такие же результаты работы.

Таблица 1

Данные о составе населения и земельной площади колхозов Славского района Калининградской области за 1947 г. [15, л. 1—88]

Колхоз	Поселок, сельсовет	Всего населения	Трудоспособных мужчин	Трудоспособных женщин	Подростков 12—16 лет	Закреплено земли, га
им. Ленина	Сосновка, Ржевский	121	26	44	6	464
«Большевик»	Владимировка, Ржевский	157	32	40	24	420
«Октябрь»	Ржевское, Ржевский	209	45	58	13	940
«Красный Октябрь»	Красное, Ржевский	166	39	49	8	728
им. Черняховского	Ржевское, Ржевский	180	47	48	12	758
«Искра»	Калиновка, Гастелловский	117	18	29	10	732
им. Энгельса	Пригородное, Гастелловский	175	48	66	8	816
«Сталинский путь»	Ясное, Ясновский	363	88	148	40	1340
«Победитель»	Ясное, Ясновский	267	45	64	39	1152
им. Карла Маркса	Лужки, Ржевский	95	16	34	10	751
«1 Мая»	Источное, Ржевский	145	25	47	?	233 (пашня)

Обратимся к материалам другого района, где ситуация была получше, поскольку он примыкал и к Калининграду, и к бывшим и будущим курортам Балтийского побережья. В материалах Приморской районной комиссии есть документы по трем колхозам в связи с итогами их работы в 1947 г. и с планами на 1948 г., занимающие 60 листов. Один из этих колхозов, им. Кирова, распланирован с учетом того, что новое население прибывать туда не будет и в нем останется 30 дворов, населенных 159 жителями (из них трудоспособных 78, подростков 26), которым предстоит обрабатывать земельные угодья площадью 410,69 га. На этой земле предстояло ввести семиполье на 21 га пашни, четырехполье на 3 га овощных посадок, шестиполье на участках при животноводческих фермах, обустроить 72 га лугопастбищных угодий, чтобы посеять под озимые 65 га, под яровые 130 га, отвести под картофель 17 га, под овощи 6 га, под кормовые корнеплоды — 9 га, 40 га — под многолетние травы, плодовые сады — 1,4 га, ягодники — 0,4 га. Плановая урожайность должна была составить 13 ц с га у зерновых, 140 ц с га для картофеля и 200 — для овощей. План по животноводству выглядел скромнее: поголовье лошадей должно было составить 25 особей, от 43 до 50 голов крупного рогатого скота (из них 19—20 коров), 3—15 свиней, овцы — 10 голов и птица — 50 особей в личном пользовании [6, л. 3]. Налицо наложение двух подходов: в земледелии — то, что хотели бы получить и не видели к этому объективных препятствий, в животноводстве — то, что есть и вряд ли сможет резко измениться в сторону увеличения. Планировавшаяся урожайность картофеля в 130 ц с га на колхозных полях, к слову, будет недостижимым показателем еще в течение 20 лет.

В двух других колхозах картина схожая, но не такая же — плановики работали с учетом местных условий. В колхозе «Заря» (в источнике «Зоря») также планировался многопольный севооборот, а в артели им. М. Горького — лишь аналоговый. Плановая урожайность зерновых — соответственно в 12,5 и 12,7 ц с га, картофеля — такая же несбыточная в 130 ц с га, по овощам — меньше либо вовсе не планировалась. Однако плановые цифры по скоту могли различаться: в колхозе им. Горького — от 33 до 85 голов (больше возможностей вписаться в план), 32 коровы в личных хозяйствах и пять пчелосемей [6, л. 47]. Надо полагать, что составители имели в виду прибывающих переселенцев и обзаведение их скотом или наличные к составлению плана реалии. В любом случае план — это не социалистические обязательства, которые могут различаться в зависимости от общего настроения работников и руководителей, здесь требуется какое-то разумное обоснование, достигаемое в том числе методом проб и ошибок. Так, в колхозах «Заря» и им. Горького был запланирован надой в 1400 л молока [6, л. 27], что оказалось заниженным требованием, так как уже в 1940-е годы средние показатели в 2000 л не считались рекордными [21, с. 56], к этим цифрам стали подтягиваться и планы.

Но вот что роднит данные этих трех колхозов, так это показатели участия колхозников в общественном труде, сведенные в таблицу 2.

Таблица 2

Данные о выработке трудодней в различных сферах деятельности по отдельным колхозам Приморского района в 1947 г. [6, л. 21, 39, 60]

Колхоз	Трудоспособных (мужчин + женщин), подростков	Выработано трудодней	в полеводстве	в животноводстве	в строительстве	в прочих отраслях	Выработка трудодней на 1 трудоспособного
им. Кирова	78 (32+46) 26	19920	12066	3080	—	4074	246
«Заря»	46 (17+29) 10	14534	7826,5	2614	570	3523,5	315
им. Горького	83 (38+45) 15	28163	11679	6490	352	9642	339

Собственно, ради данной информации и составлялись плановые задания: любые объективные условия не могут поставить под сомнение готовность людей трудиться, и разброс в выработке трудодней — тому подтверждение. Надо учесть и участие подростков, которых в колхозе им. Кирова было больше, и именно они немного изменили общий показатель (при пересчете равный 255 трудодням). При всем этом установленные в годы войны минимумы существенно превышены. Даже если признать, что в условиях обустройства на новой земле люди вынуждены работать напряженно и какая-то часть трудодней приписывалась по разным соображениям, планировать, что такое напряжение сил сохранится везде и для вновь прибывающих работников, — дело рискованное. Однако если в одних колхозах могут вырабатывать в среднем без малого один трудодень на календарные сутки, можно подталкивать к этому и других.

Еще одно важное наблюдение заключается в отсутствии каких-то единых методик планирования, что позволяет порой найти информацию, которая в строгие цифровые показатели попасть не могла в принципе. В этом отношении показательны замечательный документ — годовой план развития народного хозяйства и культуры Озерского района на 1948 г. и материалы, объединяющие успехи в хозяйственном и культурном строительстве за 1950 г. В первом небольшом деле (21 лист) собрана информация о перспективах развития чугунолитейного завода и райтопов, мелиоративном строительстве и децентрализованных заготовках мяса, молока, картофеля и рыбы (последнее показательно, так как район не прилегал к морю или заливу, но получить рассчитывали 4 тонны). Нашлось место и для урожайности, причем на усадьбах колхозников запланировали просто фантастические данные по картофелю — 310 ц с га (и 120 по району) [13, л. 7]. Культура здесь представлена строившимися школами и домами культуры.

В материалах по выполнению планов два года спустя обнаруживаем еще более интересную картину. Документ построен вокруг выполнения постановления бюро обкома и облисполкома от 24 сентября 1950 г., причем отчетные справки собраны без определенной системы, но явно с «криком души». Помимо справок о проведенных лекциях, составе мероприятий культпросветучреждений и самодеятельности, 15 колхозных собраниях и 8 принятых уставах — пространные рассуждения «о заботе партии и правительства о честных тружениках полей». У всех дома и скот — не у всех надворные постройки. Не хватает кормов для скотины — изыскивается солома у пограничников (район примыкает к границе с Польшей). Пытались организовать в районе баню — жители сами не хотят. План приема переселенцев 178 семей, вместе с тем 110 семей из района выбыло, причем 65 — за пределы области. Как раз 65 домов жилфонда и наличествует [14, л. 16—17]. Общий вывод: состояние дел по хозяйственному устройству переселенцев плохое. Более формализована справка по мероприятиям по улучшению здравоохранения. Развитие промышленности и транспорта представлено данными о привлечении населения и гужевого транспорта к работам — план 11 месяцев выполнен. Интересна и справка о выполнении плана райартелью инвалидов и райпищеккомбинатом — сетования на то, что не выполнен план по джемам, варенью, квашеной капусте и помидорам — на 35—50%, тогда как общее выполнение по товарообороту — на 96,8%. Как говорится, всем бы такие проблемы [14, л. 10].

Указания за пределами скупых статданных встречаются и в других местах. Экономическая характеристика колхозов Славского района за 1950 г. содержит сведения, что в оставшихся шести из 24 реорганизованных колхозах их члены «живут полнокровной жизнью во всех областях», «колхозники живут зажиточно и культурно: каждая семья имеет собственный дом с надворными постройками, 0,5 га усадьбы с садом, 1—2 головы молодняка, все выписывают газеты» и «бескоровность ликвидирована» [17, л. 7—8]. Надо полагать, что корова в данном случае — своего рода гарантия «привязки» семьи колхозников к поселку (при ее наличии не так просто бросить все и съехать) и к колхозу (сено, право выпаса можно получить при условии членства в колхозе и выработки трудодней), да и сколько-нибудь гарантированный минимум питания обеспечен.

Правда, даже в таких бравурных отчетах прослеживается не только позитив. Вот, в частности, данные о совхозах того же Славского района за 1951 г.: совхоз «Прохладное» — надой 2750 кг молока на корову за 11 месяцев (при плане уже в 3000 кг, что для Центральной России было достижимо только для отдельных коров), план по мясу выполнен на 153%, но урожайность зерновых 8 ц с га, картофеля — 50 и силосных культур — 70; надой в совхозе «Заповедное» 3270 кг при плане 3100 кг (год еще не кончился), но урожайность также низкая [17, л. 14].

Однако здесь мы имеем дело с совхозами, за которыми закрепилась мясомолочная специализация, и проблема трудового участия работников государственного хозяйства под вопрос не ставилась. Вот ситуация в колхозе им. Ленина: из числящихся 134 дворов осталось 123, из 288 трудоспособных — 268; лошади и крупный рогатый скот в наличии все (62 и 343 головы соответственно). На одного трудоспособного приходится 3,02 га пашни, если считать числящихся, и 3,29 га — на оставшихся. Для дворов показатели 6,5 и 7,17 га — не мало, даже если учитывать использование техники МТС. Но при этом сами дворы разбросаны по 73 «поселкам», из которых 61 представляли собой одиночные хутора с расстоянием от 0,8 до 6,3 км между поселками и в 2—4 км до правления. Налицо были объективные условия требовать снижения норм трудового участия, но вместо этого указания на невыработку 288 работниками 30 трудодней в весенний период, 11 — в летний и 61 — в осенний. 16 дел передано в следственные органы, правда, ни одного осужденного — все же кому-то надо готовить скот к зиме и выполнять сталинскую «трехлетку» по животноводству. И действительно выполняли: при выдаче всего 40 копеек и 100 г зерна на трудодень (картофель не выдавался вообще) семенной фонд был засыпан полностью, принято 19 лошадей (из них 11 у подсобных хозяйств, 8 — у колхозников), 27 голов коров (при плане 15) и обеспечен надой в 2721 кг при плане 2500 кг [16, л. 3—6].

Подобная ситуация не исключение. Колхоз им. Черняховского передал в следственные органы 22 дела, им. Сталина — 19, «Путь к коммунизму» — 46, им. Калинина — 25 (там на трудодень выдавали даже по 0,8 кг зерна), правда, нигде никого не осудили [16, л. 11, 20, 29, 44]. Жизнь в таких условиях уже воспринималась как наказание. Очевидно, плановые комиссии в поисках скрытых резервов брали на себя чисто фискальные функции. Говоря о хозяйственном подъеме района (электрификации колхозов, планах лесозаготовок, обеспечении пиломатериалом, заготовках цветных металлов), между делом плановики упоминают о выявлении незарегистрированных мельниц (оставшихся от немцев): в колхозе им. Ленина работал трофейный движок, моловший 1,5 т в сутки, в то время как простаивали электромоторы в других колхозах, способные смолоть по 5—6 т зерна, в совхозе № 135 мельница молола 15 т зерна без регистрации «давальческого размола» (т.е. гарнцевого сбора с пуда помола собственников зерна) [18, л. 8].

Таким образом, плановые комиссии в последние сталинские годы играли роль не только дополнительных информаторов о ситуации в селе в целях выявления скрытых резервов, но и приводных ремней, побуждавших больше трудиться и полнее обеспечивать государственные заготовки.

Сами заготовительные ведомства испытывали на себе результаты постоянных реорганизаций. В 1953 г. в марте — декабре Министерство заготовок входило в состав Министерства сельского хозяйства, в сентябре того же года закупочные цены были существенно повышены, недоимки списаны, что давало основание надеяться на некоторое увеличение сдачи продуктов государству не по принудительным нормам с копеечной оплатой, а со значимым для производителей эффектом. Отчеты заготовителей становятся значительно скромнее. В марте 1956 г. Министерство заготовок СССР вместе со структурами уполноминзагов ликвидируется, а с 1958 г. прекращаются и обязательные поставки всех видов продуктов [1, с. 145]. Именно к плановикам и переходит в это время работа по фиксации заготовленного и закупленного у крестьян и колхозов. Для примера рассмотрим образец такого детального подхода в Приморском районе (табл. 3).

Данные таблицы 3 интересны не только своей скрупулезностью: как видно, акцент сделан на «большое» молоко летнего периода, но в августе — сентябре, когда естественные выпасы еще работают, рассчитывали получить существенно меньше. Понимание си-

туации, где сначала — «раскачка», а потом — авральная горячка, связанная с выполнением плана, заставляла смещать акценты на более ранние месяцы, когда нужно обеспечить загрузку молокозаводам. Правда, в явном виде это не подается, поскольку заготовка мяса, напротив, шла с нарастанием от летних месяцев к сентябрю. Интересная ситуация: заранее определяется (а не допускается), что вместо зерна должны сдать молоко и мясо. Тогда имело ли вообще смысл планировать сдачу зерна в начальном объеме? Документы Министерства заготовок СССР более раннего периода содержат указание на форму № 214, определявшую перевод объемов одних сельскохозяйственных продуктов в другие (шерсти, пуха и пера, кишечного сырья в молоко, мясо и зерно), что давало возможность зачесть сдачу того, что было, вместо того, что запланировано [5, л. 9]. Очевидно, подобные методики продолжали действовать, поскольку на районный уровень спускались разверстаные задания из Госплана.

Таблица 3

План заготовок молока по колхозам и совхозам на 1956 г. зон ответственности МТС
Приморского района [7, л. 1—1 об.]

Зона ответственности МТС	Месяц	Всего молока, т	в том числе обязательные поставки, т	в том числе натуроплаты, т	в том числе за зерно, т
Краснофлотская	май	159,1	49,6	23,3	86,2
	июнь	230	61,5	28,5	140
	июль	190,4	59,5	20,2	110,7
	август	44	44	—	—
	сентябрь	40	40	—	—
Переславская	май	130,4	35,4	13,8	81,2
	июнь	182,1	48,4	18,7	115
	июль	150,5	46	16,6	87,9
	август	36	34	2	—
	сентябрь	17	17	—	—

Сами же районные комиссии стремились и рационально перераспределить трудовые ресурсы, и вменить колхозам в обязанность экономно расходовать трудодни, что подтверждает таблица 4.

Таблица 4

Затраты трудодней на единицу продукции по колхозам Приморского района
в 1955—1956 гг. [8, л. 11]

Год	На центнер зерна	На центнер молока	На центнер мяса	% трудодней на управленческий персонал
1955, факт	3,6	12,8	173	7,3
1956, план	2,38	7,6	50,8	6,04

Помимо традиционного для советского планирования желания резко снизить трудозатраты (по мясу более чем в три раза) следует здоровое понимание того, что серьезной экономии трудодней на административном персонале не получится.

В любом случае можно отметить не только увеличение количества планируемых показателей, но и переход к перспективным планам на районном уровне. В таблице 5 представлены достаточно амбициозные планы по урожайности картофеля в Славском районе.

Таблица 5

Фактическая и планируемая урожайность картофеля в различных категориях хозяйств
Славского района в 1955—1965 гг., ц с га [19, л. 6]

	1955, факт	1956, факт	1957, виды на урожай	1958, план	1959, план	1960, план	1962, план	1964, план	1965, план
Все хозяйства	72	63,7	80	112	117	119	130	131	132
Колхозы	25,2	32,3	49	113	127	130	139	140	140
Совхозы	31,2	58,4	80	118	120	126	134	138	140
Колхозники	100	90	90	110	110	110	120	120	120
Рабочие и служа- щие совхозов	100	90	90	110	110	110	120	120	120

Пожалуй, именно такие показатели свидетельствуют о том, что плановые комиссии стали превращаться из информаторов о реальном положении дел в проводников необоснованных идей вышестоящих органов. Личные хозяйства, которые обеспечивали сколько-нибудь приемлемые цифры соотношения сбора и посева (как раз 25—30 ц семян картофеля и высевалось на гектар), должны были сохранить свою урожайность, пропустив вперед общественные хозяйства, причем совхозы должны были сперва слегка «притормозить», а потом догнать колхозы и вместе выйти на цифры, существенно опережавшие немецкие показатели 1943 г. (125 ц с га) [20, с. 128]. По зерну совхозы должны были все же колхозам уступить, но там не было необходимости сравнивать с показателями личных хозяйств — колхозники от посевов зерновых отказались в начале 1950-х гг.

Вместе с тем перспективное планирование не отменяло традиционных задач — поиска обоснований для увеличения производства, что все более превращалось в констатацию неутешительных фактов. В объяснительной записке о выполнении планов по развитию сельского хозяйства Приморского района за 1961 г., в частности, указывается: «Район добился некоторых успехов. Рост посевных площадей по району составил 1967 га, зерновых по совхозам — 1219 га, кукурузы на силос — 1148 га, поголовья крупного рогатого скота — 1395 голов (12%), в том числе коров — 357 (7%). Вместе с тем обеспечение помещениями неудовлетворительно. План сдачи и продажи мяса совхозами невыполнен на 1554 т (–4% к прошлому году), общее выполнение 68,1%, по молоку план выполнен на 76,8%. Колхозы снизили производство мяса на 22% в год (план 63%), удой — на 176 кг в год (план 73%) [9, л. 2—2 об.]. Отсутствует внимание к собственному воспроизводству поголовья: длительный перегул коров, несвоевременное выявление покрывания молодняка, сено скошено на 40%. Надой на корову при плане в 2900 кг фактически составил 2193 кг [9, л. 5 об.].

Налицо возвращение плановым комиссиям роли информаторов как вышестоящих плановых органов, так и планового отдела облуправления сельского хозяйства и, надо полагать, партийных органов. В принципе плановые органы должны были принять на себя часть ответственности за неправильное планирование — цифры падения производства за год существенно ниже недобора до плановых заданий, но это опять показывает, что районные комиссии были вынуждены ориентироваться на планы, спускаемые сверху.

Неудачи планирования еще раз подтверждаются ситуацией 1965 г., когда материалы отмечают сверхплановые закупки зерна при невыполнении планов по молоку и мясу (в 1956 г. все было наоборот), дополненные требованиями усилить заготовки молока, распределением заданий по пятидневкам, публикацией списков молокоборщиков со строгим предупреждением за срыв поставок и сетованиями на то, что дирекция молокозаводов плохо организует торговлю комбикормом [10, л. 20].

Работа районных плановых комиссий координировалась областным плановым комитетом, существовавшим с первых послевоенных лет. Что в его работе превалировало: сбор и обработка поставляемой снизу информации или, напротив, доведение планов до низу, т.е., по сути, разверстка плановых заданий между районами? Советская традиция централизации склоняет ко второму варианту, но не следует забывать, что уровень планирования здесь несколько иной: промышленность сосредотачивалась в городах. Выпуск машин и оборудования, организация рыбного флота и рыбопереработки, налаживание работы пищевой промышленности — все это значительно больше довлело над областными плановыми органами, чем проблемы сельского хозяйства. Перспективы развития промышленности были жестко привязаны к наличию и состоянию материально-технической базы и квалификации имеющихся работников — изыскать какие-то новые резервы без обращения к центру было сложно. Сельское хозяйство, напротив, сохраняло какие-то ресурсы, которые нужно было эффективно перераспределить и использовать. Информацию об этих ресурсах областные плановые органы отражали как в сводных показателях по районам, так и в материалах по инфраструктуре сельского хозяйства — распределению техники, восстановлению электростанций и электрификации колхозов [11, л. 126], данных о внедрении специфических технологий (например, узкозагонной вспашки [12, л. 13]).

Еще один специфический орган — уполномоченный Госплана, призванный осуществлять контроль и помощь в планировании (эту должность в Калининградской области занимал В. В. Вахров [3, л. 8]). В его документах обнаруживается, например, секретная записка заместителям Председателя Госплана СССР по местному планированию Лаврищеву и Демидову от 20 октября 1947 г., в которой рисуется картина недочетов в планировании местными органами: занизили надои на корову до 900—1200 кг, надо 1450 кг (как выяснилось потом, можно было и больше); занизили урожайность картофеля до 100 ц с га — требуется 120 ц; предусматривается рост посевов почти в два раза — с 53 тыс. до 102 тыс. га, причем озимых — в 18 раз; забыли предусмотреть яровизацию (детище Т. Д. Лысенко), посевы конопли и махорки; предлагаются запредельные показатели закладки садов и ягодников на 700 га и парников до 5000 га [3, л. 1—5 об.].

В документах за 1948 г. имеются предложения по перераспределению рабочей силы на лесозаготовки и лесосплав, оргнаборы на торфоразработки, сверхлимитные титульные списки на восстановление ГРЭС и другие подобные инициативы, явно несбыточные в условиях крайней необустроенности переселенцев. Самой разумной здесь выглядит передача 430 больных инфекционной анемией лошадей из колхозов и совхозов МВД в ведение лесхоза ГУЛАГа МВД (где работали в основном военнопленные) [4, л. 24]. Подобно другим уполномоченным орган был ликвидирован после 1953 г., однако его существование лишний раз подтверждает наличие репрессивной составляющей в деятельности плановых органов в советскую эпоху.

Оценивая деятельность районных плановых комиссий в заявленный период, следует признать, что их функции были одновременно и шире того, что принято понимать под планированием, и в то же время не охватывали всех задач планирования как такового, т.е. предложения экономически обоснованных показателей, отражающих реальные возможности сельскохозяйственного производства. Разрываясь между тем, что было возможно сделать в имеющихся условиях, и тем, что требовалось в соответствии с нуждами страны, плановым комиссиям приходилось обосновывать дополнительные возможности только одного ресурса — труда сельских жителей, ориентируясь при этом на самые передовые показатели. Как следствие, плановики вынуждены были брать на себя функции помощников в области осуществления заготовок (фискалов), статистиков и информато-

ров о недостатках (доносчиков), а также нижнего непосредственного управленческого звена («подгонщиков»). Последняя функция, кстати, была характерна практически для всех административных структур в советскую эпоху.

Статья выполнена при поддержке РФФИ. Проект РГНФ № 15-01-00257. ГРНТИ 11504-24-10054.

Список использованных источников и литературы

1. Безнин М. Н., Димони Т. М. Аграрный строй России 1930—1980-х гг. М. : ЛЕНАНД, 2014.
2. Государственный архив Калининградской области (ГАКО). Ф. Р-139. Оп. 9. Дела за 1946—1966 гг.
3. ГАКО. Ф. Р-180. Оп. 1. Д. 46.
4. ГАКО. Ф. Р-180. Оп. 1. Д. 87.
5. ГАКО. Ф. Р-384. Оп. 3. Д. 31.
6. ГАКО. Ф. Р-442. Оп. 1. Д. 1.
7. ГАКО. Ф. Р-442. Оп. 1. Д. 24.
8. ГАКО. Ф. Р-442. Оп. 1. Д. 25.
9. ГАКО. Ф. Р-442. Оп. 1. Д. 47.
10. ГАКО. Ф. Р-442. Оп. 1. Д. 53.
11. ГАКО. Ф. Р-514. Оп. 1. Д. 18.
12. ГАКО. Ф. Р-514. Оп. 2. Д. 92.
13. ГАКО. Ф. Р-596. Оп. 1. Д. 2.
14. ГАКО. Ф. Р-596. Оп. 1. Д. 5а.
15. ГАКО. Ф. Р-946. Оп. 1. Д. 1.
16. ГАКО. Ф. Р-946. Оп. 1. Д. 6.
17. ГАКО. Ф. Р-946. Оп. 1. Д. 8.
18. ГАКО. Ф. Р-946. Оп. 1. Д. 21.
19. ГАКО. Ф. Р-946. Оп. 1. Д. 74.
20. История сельского хозяйства Калининградской области. 1945—2006. Калининград : ИП Мишуткина И. В., 2006.
21. Костяшов Ю. В. Повседневность послевоенной деревни: Из истории переселенческих колхозов Калининградской области. 1946—1953. М. : Политическая энциклопедия, 2015.

Поступила в редакцию 08.11.2016

Полх Павел Петрович, кандидат исторических наук, доцент
Институт гуманитарных наук Балтийского Федерального университета им. И. Канта
Российская Федерация, 236022, г. Калининград, ул. Чернышевского, 56а
E-mail: p.polkh@mail.ru

UDC 94(470.26)“1946/1965”

P. P. Polkh

Organizations and institutions planning local agricultural production in 1946—1965 (on the materials of Kaliningrad region)

The article discusses the role of regional planning commissions in the organization of agricultural management in the post-war period of twenty years on the materials of the Kaliningrad region within the RSFSR. The author substantiates the view that the functions of these commissions (with the detailed analysis of the commissions in Ozersk, Primorsk and Slavsk districts) were not reduced to planning production activities, but included the issues of stockpiling, labor management of farmers and routine life of immigrants, thus appropriating general managerial functions. However, planning was done not only by the mentioned commissions but by other bodies as well. The two facts confirm the thesis that administrative functions in the Soviet economy were not fully distributed.

Key words: agriculture, collective and state farms, socialist planning, Kaliningrad region, agricultural stockpiling, post-war period (1946—1965).

Polkh Pavel Petrovich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
 Institute of Humanities Baltic Federal University n. a. I. Kant
 Russian Federation, 236022, Kaliningrad, ul. Chernyshevskogo, 56a
 E-mail: p.polkh@mail.ru

References

1. Beznin M. N., Dimoni T. M. *Agrarnyi stroi Rossii 1930—1980-kh gg.* [The agrarian system in Russia in 1930—1980-ies]. Moscow, LENAND Publ., 2014. (In Russian)
2. *Gosudarstvennyi arkhiv Kaliningradskoi oblasti* [State Archive of Kaliningrad region] (GAKO). F. R-139. Op. 9. Dela za 1946—1966 gg.
3. GAKO. F. R-180. Op. 1. D. 46.
4. GAKO. F. R-180. Op. 1. D. 87.
5. GAKO. F. R-384. Op. 3. D. 31.
6. GAKO. F. R-442. Op. 1. D. 1.
7. GAKO. F. R-442. Op. 1. D. 24.
8. GAKO. F. R-442. Op. 1. D. 25.
9. GAKO. F. R-442. Op. 1. D. 47.
10. GAKO. F. R-442. Op. 1. D. 53.
11. GAKO. F. R-514. Op. 1. D. 18.
12. GAKO. F. R-514. Op. 2. D. 92.
13. GAKO. F. R-596. Op. 1. D. 2.
14. GAKO. F. R-596. Op. 1. D. 5a.
15. GAKO. F. R-946. Op. 1. D. 1.
16. GAKO. F. R-946. Op. 1. D. 6.
17. GAKO. F. R-946. Op. 1. D. 8.
18. GAKO. F. R-946. Op. 1. D. 21.
19. GAKO. F. R-946. Op. 1. D. 74.
20. *Istoriya sel'skogo khozyaistva Kaliningradskoi oblasti. 1945—2006* [The history of agriculture of Kaliningrad region. 1945—2006]. Kaliningrad : IP Mishutkina I. V. Publ., 2006. (In Russian)
21. Kostyashov Yu. V. *Povsednevnost' poslevoennoi derevni: Iz istorii pereselencheskikh kolkhozov Kaliningradskoi oblasti. 1946—1953* [Daily life of post-war village: From the history of resettlement of collective farms of Kaliningrad region. 1946—1953]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya Publ., 2015. (In Russian)